

С. Б. Сорочан

Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху//МАИЭТ. — Supplementum. — Вып. 5. — Симферополь, 2008. — 424 с.

бобщающая монография А. В. Буйских в определенной степени уникальна, ибо при фундаментальности историографической базы исследований, посвященных Херсонесу, среди нескольких тысяч работ мы не встретим ни одной, в которой поднятая автором проблема была бы обобщена в такой степени. Хотя подходы к ее решению велись с начала XX в., они не охватывали пространство города и хоры, тем более в хронологических рамках с V в. до н. э. по VI в. н. э. В лучшем случае исследователи оценивали простран-

ственную организацию отдельных районов в отдельные периоды. Общей картины эволюции пространственной структуры, закономерностей ее организации, уличной сети, жилых домов, общественных, религиозных центров, пространственной организации некрополя создано не было, а именно это решено в объемной, на 53 печатных листах книге А. В. Буйских, насколько это может быть решено в законченном самостоятельном научном исследовании, базирующемся на практически всем массиве доступных археологических источников, хранящихся в фондах, экспозициях, научных архивах музеев, институтов Украины и России, на неопубликованной отчетной полевой документации, собственных, авторских натуральных обмерах строительных остатков и мощной историографии из более чем тысячи названий, в которой значительное место занимает зарубежная антиковедческая специальная литература. Именно ее знание, наложенное на скрупулезное исследование всего массива источников, позволило автору увидеть много нового, того, что проходило мимо внимания предшественников. Критический анализ наработок предшественников — вообще сильная сторона рассматриваемой работы.

Главное в научной новизне проделанной работы заключается в создании ее автором цельной картины программы освоения окружающего пространства херсонеситами на протяжении более тысячи лет с выделением разных урбанистических структур — раннего города и города с регулярной планировкой. Начальный этап территориального развития регулярного города автор увязывает с временем размежевки хоры, что тоже является новым выводом, как и увязка этой размежевки с созданием гипподамовой системы планировки в городе. Автор впервые смогла установить типовую жилую застройку Херсонеса и предложила реконструкции типовых жилых домов, закономерностей планировочного развития загородных усадеб, а также убедительный вариант локализации херсонесского теменоса. Впервые был сделан расчет вероятной численности населения города на этапе начала его регулярной застройки. Особой заслугой следует считать вклад исследовательницы в изучение такого сложного вопроса как пространственная организация херсонесского некрополя в разные периоды его существования и развития. При этом удалось пойти гораздо дальше создания типологии надгробных памятников и установить своеобразие херсонесских погребений, их пространственного размещения. Последнее важно для выяснения

степени преемственности в развитии херсонесских кладбищ в византийскую эпоху. Исследуя Херсонес как провинциально римский город первых веков н. э., А. В. Буйских предложила несколько новых интерпретаций известных по археологическим раскопкам памятников, которые она отнесла к кругу общественных сооружений, придя к верному заключению о том, что застройка в это время велась преимущественно на сравнительно свободных участках, которые тяготели к линии оборонительных стен. Впрочем, замечу, что считать такие участки именно «окраинными», как предложила автор, едва ли правомерно: из последующего выясняется, что такие сооружения находились в оживленных местах, недалеко от Южных ворот города и на сравнительно плотно застроенном Северном берегу.

В главе 1 «История изучения строительства и пространственной организации Херсонеса» всесторонне рассмотрена историография проблемы (с. 8–26). По крайней мере в нее вошло подавляющее число работ, которые могут иметь отношение к поднятой проблеме. Единственное, на чем следовало бы остановить внимание в дополнение к названному, так это на вкладе В. М. Зубаря в исследовании сельской территории (подраздел 1. 2, с. 16–21) и херсонесского некрополя (подраздел 1.3, с. 22–26). В последнем случае это отражено в книге лишь в изучении типологии погребальных сооружений первых веков н. э. Видимо, сказалось подчеркнутое внимание автора именно к типологии надгробий и очевидная слабость разработки вопросов собственно пространственной организации некрополя, представленной в историографии проблемы по сути дела лишь работами Г. Д. Белова и В. М. Зубаря.

Наблюдения, предложенные в главе 2 «Ранний Херсонес. Хронология и атрибуция памятника» (с. 27–61), позволяют утверждать, что раннее поселение на месте Херсонеса пространственно было организовано не ранее первой половины V в. до н. э., а регулярное строительство по единой схеме, включавшей оборонительную линию и жилые кварталы вплоть до западной окраины и, значит, начало следующего, второго по счету строительного периода, началось приблизительно в конце второй четверти—середине IV в. до н. э., то есть в позднеклассическое, а не раннеэллинистическое время. Это по меньшей мере на четверть столетия удревляет предлагаемую ранее исследователями дату регулярной застройки города. Соглашаясь с этим в целом, замечу, что выводить из такого заключения конкретную дату строительства херсонесского театра едва ли стоит: его близость к оборонительной стене еще не доказательство синхронности возведения обоих, тем более, что археологические материалы, обнаруженные при раскопках театра, с не меньшим основанием позволяют отнести его сооружение к концу IV—началу III вв. до н. э. **Выпадает из предложенной периодизации строительства и возведение цитадели на юго-восточной окраине города, с чем соглашается и сама автор.** Оборонительный узел на юго-восточной окраине города был сооружен действительно приблизительно около последней трети III в. до н. э., ближе к концу столетия, то есть уже в эллинистический период, и причиной его сооружения, на мой взгляд, послужил комплекс как военно-политических, так и экологических причин.

На фоне этих наблюдений смелой представляется попытка отнести время создания полиса Херсонес ко второй четверти IV в. до н. э., исходя главным образом из датировки начала монетного чекана Херсонеса. Следует заметить, что датировка начала монетного выпуска не устоявшаяся и нет прочных оснований относить ее ко времени второй четверти, тем более середины IV в. до н. э. Исключить наличие монетного чекана уже в первой половине IV в. невозможно. Поэтому я бы поостерегся однозначно связывать начало монетного выпуска с пространственной организацией города,

созданием его регулярной планировки, передвижкой линии оборонительных стен на запад. Как полисная структура Херсонеса мог иметь необходимость во внутреннем рынке и, значит, в чеканке уже до этого времени. К сожалению, ни оспорить, ни подтвердить эту точку зрения при наличии имеющихся источников невозможно, как невозможно уверенно говорить об основании новой поселенческой структуры в лице колонии Гераклеи Понтийской на берегу Карантинной бухты именно во второй четверти IV в. до н. э., как предлагает автор. На мой взгляд, такая субъективная точка зрения искусственно сужает историю Херсонеса как городского поселения и заставляет отказаться от рассмотрения более ранних материалов V—IV вв. до н. э., к слову, именно тех, на основании которых М. И. Золотарев и Ю. Г. Виноградов пытались датировать основание Херсонеса 20-и гг. VI в.

Тем не менее, исходя из этих же соображений, А. В. Буйских попыталась внести уточнения в представления о хронологии процесса пространственного освоения сельской округи Херсонеса. Автору видится синхронность в сплошном освоении херсонеситами Маячного, Гераклейского полуостровов и северо-западного Крыма, и это освоение отнесено к середине—третьей четверти IV в. до н. э. Между тем археологические материалы, прежде всего клейменная тара, краснофигурная, чернолаковая керамика, указывают на возможность этих процессов в отношении Маячного полуострова не позже второй четверти IV в., а на Гераклейском полуострове и в северо-западном Крыму — не позже последней четверти или последней трети IV в. до н. э. Более того, сама автор не отказывается от признания наличия на некоторых прибрежных поселениях северо-западного Крыма не просто керамических материалов, а комплексов, безусловно предшествующих середине IV в. до н. э., относящихся по меньшей мере к 70–60-м гг. или к первой четверти этого столетия. Какими бы редкими такие находки ни были, они есть. Едва ли процесс заселения, освоения сельских территорий мог произойти одновременно или даже в течение жизни одного поколения граждан, тем более первого поколения, не растянувшись на десятки лет, и поэтому о середине—третьей четверти IV в. до н. э. следует говорить лишь как о времени, когда этот процесс принял вполне отчетливые размеры. Понятия «короткий промежуток времени» и «одноплановость», «одноэтапность», «одновременность» в данном случае довольно относительны и условны. Временные лакуны между разными районами освоения все же могли существовать. Определенное запаздывание клеймения амфор Херсонеса в этом случае ни о чем не говорит: его появление тоже могло прийти на период «интенсификации» пространственного освоения хоры, а не на его начало. «Удревнять» или «омолаживать» эти клейма — значит подгонять факты под кабинетные размышления. С чем можно вполне согласиться, так это с сомнениями в ольвийском (ионийском) основании «военно-хозяйственных» поселений в северо-западном Крыму. Кроме того, уместно задаться вопросом: не предшествовало ли начало колонизации хоры тем сдвигам, которые в своей планировочной структуре получил Херсонес в IV в. до н. э.? Эти сдвиги масштабны, действительно программны и несомненно требовали немалых средств, для накопления которых нужно было время. Любая программа нуждается в средствах и заставляет думать об их источниках. Асинхронность в ее осуществлении вполне уместна.

Глава 3 «Периодизация и хронология строительной деятельности Херсонеса» посвящена уже собственно проблемам градостроительства Херсонеса, начиная с раннего поселения (с. 62–87). Для последнего автор справедливо отказалась от трактовки прямоугольных подрубов в скале как остатков земляночных сооружений, а также выделила новый тип погребальных сооружений раннего некрополя в виде надгробных стел на ступенчатом основании и ямных погребений, вымощенных камнем. Удалось установить и наличие семейных участков кладбища на Северном берегу, где индивидуальные могилы обносились погребальными периболами. Вместе с фрагментами сооружений, которые интерпретированы как остатки куртин, эти могилы позволили

автору рассматривать следы поселения у Карантинной бухты как город. Впрочем, относительно оборонительных сооружений говорить сложно, поскольку такие следы зафиксированы только у основания склона к портовому району и на Северном берегу, западнее холма с колоколом. В первом случае описанное К. К. Косцюшко-Валюжиничем весьма невятно (*Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году*//ИАК. — 1905. — Вып. 16. — С. 37–110), а во втором раскопанное С. Г. Рыжовым вызывает сомнение в своей интерпретации (*Оборонительная стена V в. до н. э. в Северном районе Херсонеса*//МАИЭТ. — 2007. — Вып. 13. — С. 20–30). Двухлицевой панцирь остатков стены, стоявшей в низине, сложен из небольших камней, внутренняя забутовка довольно мелкая, что заставляет считать такую стену, имея она оборонительные функции, очень непрочной, а место для нее неудобным с точки зрения фортификации. К тому же стена частично перекрыла две могилы некрополя, что позволяет датировать ее возведение не ранее середины IV в. до н. э., когда, по логике А. В. Буйских, должна была произойти регулярная застройка городища с передвижкой оборонительной линии на запад.

Изучение основных принципов создания плана регулярного города привело автора к общим выводам о принципах, элементах гипподамовой планировочной системы, градостроительной модели Херсонеса и ее метрологических стандартах — модулях. При этом довольно уверенно можно говорить об использовании аттико-эвбейского или дорийского фута, близких между собой, но тогда вполне оправданно недоумение, высказанное автором монографии по поводу того, почему при размежевке хоры в ход был пущен египетский, он же самосский или большой ионийский фут, как это предложила считать Г. М. Николаенко. Попытка найти объяснение увязке при планировке всем трем видам фута выглядит довольно искусственно, необубедительно. Почему количество жилых домов в квадрате на территории города и в квадрате на хоре должны были обязательно совпадать? Археологические исследования показывают, что квадрат хоры все же принципиально отличался от квадрата города, совпадая лишь общей схемой размежевки, и неясно, почему его нельзя было мерить одним и тем же дорическим футом. Зато обоснование наличия типовой модели при строительстве города выглядит вполне убедительно и приводит к важным выводам о наличии нескольких (более четырех) главных улиц шириной около 20 футов (6,5 м), четком количестве стандартных больших и малых домов в каждом планировочном квадрате и реализации гипподамовой планировки не только в городе, но и на хоре. В эту модель удачно вписываются и предлагаемые локализации общественных площадей города, из которых с уверенностью можно говорить о большой агоре в центре и теменосе на северо-восточной оконечности города, причем я не только разделяю вывод автора о том, что эти общественные участки стандартной площади около 0,7 га в свою очередь были унаследованы средневековым, но в своих работах нашел этому соответствующие подтверждения. Добавлю, что остатки средневековой застройки указывают на сохранение лишь одной главной продольной улицы прежней максимальной ширины, которая проходила через весь город с востока на запад. Роль другой основной могла тогда играть и 15-я поперечная улица, образывавшая крещатик в центре города напротив Южных ворот.

В главах 4–6 («Градостроительные модели Средиземноморья и Херсонес», «Жилые дома Херсонеса», «Сельскохозяйственные усадьбы на Гераклеяском полуострове и в Западном Крыму») подробно рассматриваются прежде всего планировочные особенности жилых домов, усадеб как города, так и хоры, а также делается не безуспешная попытка подсчитать численность населения города к концу IV в. до н. э., времени его регулярной застройки (с. 88–166). Полученная при этом цифра колеблется в среднем около 1500 больших и малых домов, что в свою очередь позволяет прикинуть число их обитателей, действительно, близкое предлагаемой величине в 1000 взрослых граждан без членов их семей и зависимого населения: если исходить

из численности их семей не менее, чем в 6–7 тыс. человек, — величины, ниже которой воспроизводство населения города практически невозможно, — тогда общее число населения вместе с теми, кто не входил в эти семьи, теоретически оказывается близкой к 9–10 тыс. человек и можно согласиться с тем, что их часть действительно должна была бы обитать не в городе, а в усадьбах на Гераклейском полуострове. К слову, Б. Надель в своей статье о римском присутствии на северном побережье Черного моря (*Meander*. — 1969. — № 2) указывал именно на 10 тыс. человек населения в пору расцвета города. Вообще стоит обратить внимание на то, что выведенная А. В. Буйских цифра в 1000 человек взрослых граждан удивительным образом совпадает с данными источников позднеантичного и византийского времени (патриографы, Константин Багрянородный) о числе тех, кто через тысячу лет, в IV в. н. э. был включен в состав поточественных воинов и получал соответствующее дольствие от государства. Это вполне вероятно, учитывая, что вместимость города была ограничена периметром оборонительных стен и устоявшейся сеткой застройки, то есть не могла существенно меняться от эпохи к эпохе, особенно в сторону увеличения.

Что касается типологии усадеб, то она получилась у автора предельно точной, полной, с массой интересных уточнений, касающихся давно известных памятников (дома с галечной мозаикой андрона, так называемого «монетного двора» и даже архитектурного комплекса на островке в Казачьей бухте, который интерпретируется в моих работах как паломнический центр с мартирием Св. Климента Римского и который, можно согласиться, вполне мог иметь античный строительный период). Новым представляется и вывод о том, что за исключением усадеб, сблокированных по квартальному принципу, остальная застройка хоры Херсонеса была представлена практически всеми известными для античного Средиземноморья типами домов и из них как вариант проистекал собственно херсонесский тип жилого дома.

В главе 7 («Фортификационные и общественные сооружения») следовало бы более осторожно подойти к утверждению, что, исходя из гипподамовой планировки улиц, город имел не менее пяти ворот во всех линиях обороны (с. 167–179). То, что ворота обычно ориентировали на соответствующую выводящую к ним улицу, не вызывает сомнений, но наличие к концу IV в. до н. э. ворот по центру 13-й куртины на южном участке и ворот между 4-й и 5-й куртинами на западе представляется весьма гипотетичным и, самое главное, не проверено археологически: 13-я куртина вообще оказалась перестроена и перенесена на новое место, а 4-я и 5-я куртины требуют исследования. Что касается появления цитадели, то надо учесть, что она могла выполнять не только сугубо военные функции, служить для размещения военного контингента, но и играла роль своеобразного барража, инженерного сооружения, препятствовавшего заносу Карантинной бухты стоками из одноименной балки.

Из прочих общественных сооружений автор особое внимание уделила реконструкции агоры в центре и теменоса, посвященного женскому божеству, в северо-восточном районе, о чем уже писалось в подразделе 3.1. Хочу подчеркнуть, что при всех вариантах поиска, теменос был посвящен именно женскому божеству, поскольку наименование этого места как Парфенон осталось в памяти херсонитов на века, по меньшей мере до времени создания Житий Св. епископов Херсонских, где оно было зафиксировано. А мраморный алтарь Партенос мог находиться и на агоре, где он и был обнаружен во время раскопок. Святотелища Партенос, как ретрансляторы святости, оберегавшей общину херсонеситов, могли располагаться и на хоре, на Гераклейском полуострове. Одно не противоречит другому. Здесь я целиком разделяю мнение А. В. Буйских. Зато вопрос, был ли в городе второй теменос, остается не раскрытым: где гарантия, что раннеэллинистические архитектурные детали, использованные как сполли в кладке средневекового кольца башни XVI, относились не к храму на северо-восточном теменосе? Почему этот храм должен был располагаться поблизости от башни XVI? И почему все детали уложили в одно место, что для Херсонеса больше

не встречается нигде? Пока вопросов больше, чем ответов. Замечу лишь, что теменос, как и еще одна агора, в портовом районе маловероятны по причине здешней традиционно плотной квартальной застройки, претерпевавшей изменения из эпохи в эпоху, но не предполагавшей площадь. А. В. Буйских ошибается, когда полагает, что Жития Св. епископов Херсонских в качестве ориентира для малой агоры прямо указывали на гавань, порт. Ничего этого в источнике нет. Вторичные архитектурные материалы часто перемещали на сравнительно большие расстояния. Так, архитектурные детали из храма Афродиты стали сполями Уваровской базилики, хотя совершенно очевидно, что на месте Уваровской базилики до ее постройки был не храм, а два жилых квартала, и, значит, сполы на северо-восточную оконечность городища доставили издалека. В свое время мной была высказана догадка, что храм Афродиты находился на агоре, поскольку из эпиграфики известно, что его ремонтировали за счет средств агорономии. В таком случае детали от этого храма доставили к северному берегу, к строящейся крупнейшей базилике из центра города. Лишняя сотня метров едва ли играла существенную роль при таких перемещениях востребованных строительных материалов.

В главе 8 «Типология погребальных сооружений и пространственная организация херсонесского городского некрополя» предложена новая типология погребальных сооружений (с. 180–203). Причем наряду с типами ямных, выкопанных или вырубленных могил в качестве особого типа впервые выделены для Херсонеса редкие курганные погребения с архитектурно оформленными каменными склепами, заимствованными с Балкан, из Македонии, и предложена их локализация на юго-восточном участке некрополя, в частности, на месте цитадели до ее строительства, что не вызывает возражений. Удачными представляются и поправки автора к хронологии некоторых участков некрополя (особенно вдоль 17-й, 19-й куртин) и разработка типологии надгробных памятников, максимально полной и четкой (неудачно лишь название подраздела 8.3 «Хронология надгробных памятников», объединившего все это). По сути дела, впервые сделаны наблюдения относительно четко продуманной пространственной организации некрополя позднеклассического и эллинистического времени, в которой прослежено наличие сравнительно массового количества погребальных периболов, причем имеющих отношение к семейным участкам погребений, которые исследователи прежде считали единичными. Напротив, для Херсонеса это было типичным, подчеркивало его своеобразие среди некрополей иных античных центров. Важной представляется и такая обнаруженная особенность херсонесского некрополя как организация на подъездах к городу своеобразных улиц, огражденных периболами с надгробиями. Впервые отмечено, что имущественный уровень погребенного определялся не столько погребальным инвентарем, сколько типом или художественным уровнем надгробия. Соглашаясь с этим, все же трудно представить, что наиболее зажиточных членов общины Херсонеса хоронили только на юго-восточном участке некрополя и, значит, игнорировали с этой точки зрения западный конец кладбища.

На мой взгляд, особенно интересной, полной находок получилась глава 9 «Особенности пространственного развития и застройки Херсонеса в первые века н. э. и в позднеантичный период» (с. 204–243). Она посвящена слабо обеспеченным археологическими материалами вопросам пространственной организации и застройки Херсонеса с I в. н. э. вплоть до VI в. Вместе с тем здесь тоже присутствуют положения, которые могут быть предметом спора, вполне нормального для исследовательского процесса. Город действительно сохранил преемственность городской планировки, переживая перестройки прежде всего внутри кварталов, где к тому же появились производственные, промышленные, торговые комплексы, кладовые, хранилища, но его строительные остатки позволяют зримо отмечать следы лишь двух основных, наиболее широких улиц, перекрещивающихся напротив Южных ворот. Не учитывая этого явного обстоятельства, А. В. Буйских полагает, что гипподамова система обязана была унаследовать

несколько главных улиц, хотя ранее сама соглашалась с тем, что изначально ширина этих улиц была неодинакова и в ряде случаев не превышала 2–3 м. Следовательно, в римский период такую уличную систему было легко приспособить под своего рода *cardo* и *decumanus*. **Примечательно, что в первые века н. э. цитадель тоже повторила регулярную планировку города, будучи четко разделена несколькими продольными и поперечными улицами, центральные из которых играли роль основных, отличаясь наибольшей шириной.** Автор сама соглашается с тем, что строители Херсонеса были хорошо знакомы с основными принципами застройки провинциально-римских городов.

Убедительное объяснение найдено перестройкам в театре, изменениям в его планировке, что связано с потребностями организации потока зрителей, а не с устройством гладиаторских игр. Впрочем, это не значит, что их не проводили здесь, хотя бы для военнотружущих римского гарнизона. Барьер, даже невысокий, устроенный перед зрительными рядами, был вполне достаточным для обеспечения «техники безопасности» игры-боя.

Трудно однозначно интерпретировать прямоугольное в плане сооружение с массивными стенами и контрфорсами в XV жилом квартале на Северном берегу. А. В. Буйских, ссылаясь на аналогии, видит в нем зернохранилище (*horreum*), подобное строившимся в римских военных лагерях, обычно рядом с *принципией*, или в некоторых провинциально-римских городах, как правило, у гавани. Я нашел очень близкие архитектурные аналогии среди ранневизантийских ксенонов. К сожалению, памятник оказался сложным для изучения и его раскопки дали материалы разных периодов, в том числе указывающие на позднейшие перестройки, имевшие явно хозяйственное назначение, к примеру, наличие рыбозасолочной цистерны. Можно добавить, что в первые века н. э. и позже район этого здания был густо застроен жильем, а никак не «свободен от плотной жилой застройки» (с. 218), и это обстоятельство плохо увязывается с его назначением зернового и тем более торгового склада для римского гарнизона и всей гражданской общины. Пологий Северный берег мог иметь пристани, но гавани здесь явно не было. Мелкая и открытая северному ветру, она не годилась для длительной стоянки судов, а в непогоду сюда вообще было трудно причалить.

Странно, что автор не заметила в этом районе остатки еще одного любопытного сооружения, на этот раз круглого, небольшого, на месте к югу от базилики 1935 г., где раскопками Г. Д. Белова в 1951 г. была обнаружена площадь с материалами первых веков н. э. В свое время я интерпретировал это сооружение как маркер рыбного рынка, несомненно существовавшего в городе в римский период (*Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э. — Х., 1989. — С. 91*). Думаю, эту версию стоило бы прокомментировать.

Расхождения с моими наблюдениями обнаруживаются при оценке характера и времени строительства южного монументального архитектурного комплекса. Соглашаясь с тем, что в его состав входили огромная водосборная цистерна и обслуживавшийся проточной водой общественный туалет на 30 мест, выстроенный на свободном от городской застройки месте, около 13-й куртины, я не могу разделить точку зрения А. В. Буйских на то, что здесь, по крайней мере в западной части комплекса, были устроены термы. Следов обязательного в таких случаях классического гипocaustа и продуктов горения, а также ванн (не считая единственной небольшой мраморной чаши-фиала), раскопки не обнаружили, а архитектурные аналогии остаются все же лишь аналогиями, как и ссылки на типовые схемы планировки и водоснабжения. К слову, архитектурные аналогии, особенно для зала с *экседрой* на кирпичных колоннах вдоль стен, поддерживавших свод, можно найти и среди ранневизантийских больничных комплексов, где в таких случаях устраивался очаг для обработки меди-

цинских инструментов и прижиганий. Даже если первоначально сооружение задумывалось как обширные, необычно великие для Херсонеса термы, оно было кардинально переделано, причем скорее всего в VI в. н. э., и, располагаясь на возвышенности, то есть доминируя над городом, идеально служило прежде всего для военно-административных целей, охраны стратегически важного запаса воды, возможно, совмещаясь с больницей, на что указывает на редкость большое число находок VI—VIII вв., имеющих отношение к медицинской практике и христианскому культу. С этой точки зрения монументальный комплекс многофункционален и действительно уникален для архитектуры Херсонеса—Херсона.

Работа А. В. Буйских позволяет достаточно полно представить пространственное развитие и погребальные сооружения городского некрополя, внести уточнения в типологию этих сооружений, в частности, выделив склепы-колумбарии и монолитные саркофаги — памятники из проконнского мрамора, а также установив, что наиболее богатые погребения по традиции концентрировались вдоль улиц-дорог, ведущих к городским воротам через некрополь. Думается, что небольшое количество склепов-колумбариев или катакомб с нишами для урн, — склепов, типичных для римской погребальной архитектуры, — объяснимо не только тем, что херсонеситы не были озабочены созданием максимально компактных мест погребения, но и тем, что кремация была гораздо более дорогим способом погребения, чем ингумация в грунтовой могиле и к ней могли прибегать только наиболее состоятельные лица, к каковой относилась и местная верхушка.

Менее полно из-за нехватки источников представлена строительная деятельность на хоре, где в первые века н. э. лишь отчасти сохранилась количественно поредевшая надельная система усадеб нескольких типов, причем иногда со своими могильниками, чего не было прежде.

Оценивая основные выводы и практическое значение рецензируемой монографии, следует обратить особое внимание на использование ее материалов при разработке проектов консервационно-реставрационных работ и дополнений к Генеральному плану развития Национального заповедника «Херсонес Таврический», что представляется особенно актуальным для заповедника, стремящегося войти в состав памятников ЮНЕСКО. Ее иллюстративная часть обширна (134 рисунка, планы) и качественно выполнена (за исключением неудачного совмещения планов раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича на рис. 124). Книга открывает новые направления исследований, причем не только Херсонеса Таврического. Долгие годы труда дали великолепные плоды.

